

GEORGIAN MEDICAL NEWS

ISSN 1512-0112

№ 7-8 (304-305) Июль-Август 2020

ТБИЛИСИ - NEW YORK

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Медицинские новости Грузии
საქართველოს სამედიცინო სიახლენი

GEORGIAN MEDICAL NEWS

No 7-8 (304-305) 2020

Published in cooperation with and under the patronage
of the Tbilisi State Medical University

Издается в сотрудничестве и под патронажем
Тбилисского государственного медицинского университета

გამოიცემა თბილისის სახელმწიფო სამედიცინო უნივერსიტეტთან
თანამშრომლობითა და მისი პატრონაჟით

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ТБИЛИСИ - НЬЮ-ЙОРК

ურების ხარისხის ავტომატური მონიტორინგისათვის სტაციონარებში გამოყენებულია რაოდენობრივი მეთოდი. ამ სისტემის გამოყენება საშუალებას იძლევა სტატისტიკური მეთოდების მეშვეობით შეფასდეს სამედიცინო მომსახურების და მართვის ხარისხი; შეიქმნას ინდივიდუალური ექიმების, სტრუქტურული განყოფილებების და მთლიან დაწესებულებაში სამედიცინო მომსახურების ხარისხის მონიტორინგის შედეგად მიღებული შედეგების მონაცემთა ბაზა; კონკრეტული პარამეტრების მიხედვით (ნოზოლოგია, სქესი, ასაკი, მდგომარეობის სიმძიმე) პაციენტთა ჰომოგენური ჯგუფების ჩამოყალიბდეს, აგრეთვე შეფასდეს გაწეული სამედიცინო მომსახურების ხარისხი.

ნაჩვენებია მართვის გაუმჯობესების მეთოდოლოგია, რომელიც გამოიყენება სხვადასხვა სიტუაციებში: პრობლემის ინდივიდუალური გადაწყვეტა; გუნდში პრობლემების სწრაფი გადაჭრა; პროცესის გაუმჯობესება.

ავტორებს გამოტანილი აქვთ შემდეგი დასკვნები:

1. დიაგნოსტიკური და მკურნალობის პროცესის ხარისხი ხასიათდება მრავალი რაოდენობრივი

მაჩვენებლით. პროცესის ინდიკატორების შვიდი ჯგუფის ფორმირება შემუშავებულია კვლევის რუკაში შეტანილი კითხვების რაოდენობიდან გამომდინარე, რომლებიც კვლევის ყურადღებას ამახვილებს სამედიცინო საქმიანობის ძირითად ლოგიკურ ეტაპებზე. ახდენს გადაწყვეტილების მიღების ოპტიმიზაციას ხარვეზების აღმოფხვრასთან დაკავშირებით, ობიექტურს ხდის სამედიცინო დაწესებულების პროფესიულ საქმიანობას.

2. მათემატიკური მოდელის და რაოდენობრივი მეთოდის გამოყენებით სამედიცინო დახმარების ხარისხის მონიტორინგის ავტომატური საინფორმაციო-ანალიტიკური სისტემის შექმნა საშუალებას იძლევა ხარისხობრივი მაჩვენებლები შეფასდეს რაოდენობრივი მაჩვენებლების ექვივალენტურად.

3. სამედიცინო დაწესებულებებში სამედიცინო მომსახურების ხარისხის დინამიკურმა ანალიზმა გამოავლინა მისი შემდგომი დახვეწის, გაუმჯობესების და სამედიცინო დოკუმენტაციის სამეცნიერო დასაბუთებული ავტომატიზირებული ინფორმაციის სისტემის შემუშავების და დანერგვის აუცილებლობა.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДОНОРСКИХ ОРГАНОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

¹Слипченко С.А., ¹Шишка А.Р., ²Булеца С.Б., ¹Шишка Н.В., ¹Слипченко А.С.

¹Харьковский национальный университет внутренних дел;

²Государственное высшее учебное заведение «Ужгородский национальный университет», Украина

На сегодняшний день вопросы, связанные с регулированием отношений донорства, привлекают все больше внимания специалистов международного права. Развитие и правовая значимость таких отношений обусловлены тем, что основной задачей их регламентации является снижение уровня смертности среди тяжелобольных людей и обеспечение реализации естественного права человека на жизнь и охрану здоровья. Причем реализация по спасению жизни, восстановлению или улучшению состояния здоровья одного человека (реципиента) может быть достигнута в определенных случаях лишь за счет органов другого лица (даже умершего).

Несмотря на то, что жизнь и здоровье каждого человека является одной из главных ценностей всего мирового сообщества, перед юриспруденцией стоит задача выработать определенные стандарты правового регулирования тех или иных отношений в сфере медицины (донорства). Это привело к формированию единого международно-правового массива (создать единое правовое поле¹), но и созданию ориентиров при формировании и реформировании внутреннего законодательства для тех стран, которые развиваются в направлении универсализации к единому правовому полю.

¹Более детально об этом здесь: Slipchenko S.A., Shishka A. R. Posthumous organ donation: at the way of creation of a national legal approach. Journal of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine / editorial board: O. Petryshyn et al. Kharkiv : Pravo, 2018. Vol. 25, № 4. С. 119–133; Слипченко С. А., Шишка А. Р., Булеца С. Б., Синегубов О. В., Грынько Р. В. Состояние международного правового регулирования посмертного донорства: на пути к унификации (обзор) // Georgian Medical News; October 2018, Vol. 283 Issue 10, p. 175–179.

Одним из таких вопросов является определение правового режима донорских органов, что составляет предмет и цель этого научного поиска.

Необходимо отметить, что особый интерес к предмету данного исследования проявляли ученые разных периодов развития цивилистической или иной отраслевой мысли. В частности, указанной проблематикой занимались: Э.М. Алсинбаева [1], Г.В. Аникина [2], Я. Броун [3], М. С. Брюховецкая [4], С. Б. Булеца [5; 6], Т. Вуу [7], А. А. Герц [8], И. И. Горелик [9], А. Джорж [10], Д. С. Донцов [11; 12], Е. Ф. Евсеев [13], Д. П. Кобяков [14], Т. Г. Кудашова [15], Л. И. Кулицкая [16], П. Луков [17], Р. А. Майданик [18], М. Н. Малейна [19-21], Н. А. Маргацкая [22], А. Минталова [23], Р. Нвабуиз [24], А. Г. Пелагеша [25], М. Д. Прилуков [26], И. Р. Пташник [27], Р. Рао [28], И. Я. Сеньюта [29], В. М. Скрипник [30], С. А. Слипченко [31-33], Е. Н. Степанова [34], Р. А. Стефанчук [35], Р. Хардкастл [36], А. Р. Шишка [33,37].

Несмотря на большой интерес к этой тематике, до сих пор вопрос о правовом режиме органов человеческого тела, как и тела в целом, остается дискуссионным. Так, не обращая внимания на высказанную в юридической литературе точку зрения, что их судьба сегодня определяется специальным законодательством, не относящимся к сфере частного права, а представляющим собой совокупность норм административного права (например, определение места захоронения, установление санитарных норм) и уголовного права (например, установление за надругательство над телами и местами захоронения) [38], необходимо отметить, что органы и тело умершего человека являются объектом именно частного

права, а публично-правовые способы и средства правового воздействия являются лишь субсидиарными инструментами для обеспечения стабильности правового регулирования и надлежащей охраны прав и интересов субъектов частно-правовых отношений.

В то же время, у сторонников позиции, согласно которой считается, что тело (органы) является объектом частного права, можно выделить два основных правовых похода. Первый – все тело и органы признаются собственностью (квзисобственностью) [17]. При этом одни считают, что органы являются собственностью даже в живом теле, другие – что только после их отделения от тела человека. Другой подход сводится к принципу «нет собственности в теле человека» [10,39], а соотношение человека и его тела рассматривается скорее как автономия, в частности, через право на неприкосновенность частной жизни, а также через право на личную неприкосновенность. Как утверждает Р. Рао, если собственность состоит из «пакета прав», направленных на удовлетворение частных интересов, которые принадлежат лицу, то и частная жизнь также может быть охарактеризована как совокупность личных интересов относительно своего тела (владеть им, отстранять от этого блага других). Однако, в отличие от собственности (имущества), частная жизнь, личная неприкосновенность не могут использоваться другими лицами, и тем более передаваться [28].

Результаты и обсуждение. Проанализировав ту точку зрения, сторонники которой считают, что тело живого человека и органы в живом теле являются объектами гражданских прав [40], можно утверждать, что человек после искоренения рабства рассматривается лишь субъектом, а не объектом правоотношений. Более того, в юридической литературе неоднократно отмечалось, что в философии и логике понятие объекта всегда раскрывается через противопоставление его субъекту, через проявление внешнего характера первого по отношению ко второму. Учитывая, что человек не может существовать без своего тела, а человек – это всегда субъект, то в отношении тела человека исчезает такой признак, как внешний характер. Поэтому тело живого человека не может рассматриваться как объект права. Причем таким оно не является как в целом, так и в отношении любой его части, которые в их системе представляют единое понимание человека. В связи с этим можно согласиться с выражением «нет собственности в теле человека» [10,39].

Вместе с тем, извлечение органов человека при жизни или смерть последнего меняет режим как органов, так и тела в целом. Они перестают быть одним целым с человеком. И, основываясь на классическом для стран германской системы правопонимания объектов, можно утверждать, что извлеченный орган, как и тело умершего человека, полностью подпадают под понятие вещи [21,22,27,41,42]. А именно, представляют собой вещи как предметы внешнего от человека материального мира, которые доступны к владению и способны удовлетворять потребности участников гражданских (частных) правоотношений.

Действительно, тело умершего человека является предметом внешнего по отношению к другим людям материального мира. Таким же предметом внешнего мира становится извлеченный орган по отношению к живому донору. Эти объекты доступны к владению. Что касается полезных свойств тела умершего человека или извлеченного органа, то они могут использоваться для трансплантации и (или) изготовления биоимплантов, генный материал может использоваться для осуществления репродуктивных технологий

(искусственное оплодотворение, суррогатное материнство). Учитывая то, что органы и другие анатомические материалы тела могут использоваться при проведении научных исследований, медико-биологических исследований и в учебном процессе, они представляют собой определенную ценность для научных, медицинских или учебных заведений. Встречаются и другие способы использования извлеченных органов и тел умерших людей.

Следовательно, орган, извлеченный из живого донора, и тело умершего человека имеют все вышеперечисленные признаки вещей.

Вместе с тем, в странах романо-германской, и англосаксонской правовых семей вещи (предметы материального мира) традиционно охватываются таким понятием, как имущество. А имущество – это всегда благо, которое оценивается в денежном эквиваленте и способно быть объектом имущественного права; материальный актив, который имеет экономическую ценность. Более того, вещь, как вид имущества, рассматривает и Европейский суд по правам человека («The Former King Of Greece and Others v. Greece», заявление № 25701/94, решение от 23 ноября 2000 г.; «Sporrong and Lonnroth v. Sweden», решение от 23 сентября 1982 г., заявления №№ 7151/75; 7152/75, серия А, № 52; «Novoseletskiy v. Ukraine», заявление № 47148/99, решение от 22 февраля 2005 г.).

Таким образом, если орган, извлеченный из живого донора, или тело умершего человека имеют все признаки вещей, а вещь – это благо, которое способно оцениваться в денежном эквиваленте, то есть способно иметь экономическую ценность и быть объектом имущественного права, то и извлеченный орган человека (тело умершего человека) должны иметь указанные признаки. В противном случае они не являются вещами в юридическом значении этого слова [37,43].

В то же время, в абз. 3 ч. 2 ст. 3 Хартии основных прав Европейского Союза и ст. 21 Конвенции о правах человека и биомедицине установлено, что тело человека и его части как таковые не должны быть источником получения финансовой выгоды (источником наживы) [44]. Такой подход отображен во внутреннем законодательстве большинства стран мира и позитивно воспринят представителями разных социальных групп, религий, культур, народов [45]. Также определенные предостережения относительно использования тела человека в промышленных или коммерческих целях отображены и в Директиве 98/44/ЕС Европейского парламента и Рады от 6 июля 1998 года «О правовой охране биотехнологических изобретений». В частности, в ней закреплен принцип, согласно которому тело человека на разных этапах его формирования и развития, включая зародышевые клетки, как и простое открытие одного из элементов или одного из его продуктов, включая последовательность или частичную последовательность человеческого гена, не подлежит патентованию [46]. Поэтому может сложиться впечатление, что общий альтруистический подход относительно донорства указывает на то, что орган, извлеченный из живого донора или тела человека, который умер, не является имуществом, а представляет собой исключительно личные неимущественные материальные блага. А это, соответственно, ставит под сомнение обоснованность вывода о том, что они носят имущественный характер, являются вещами (в юридическом смысле этого слова).

Вместе с тем, во-первых, безоплатные договоры способны порождать имущественные правоотношения. Примером

тому служат договоры дарения, ссуды, некоторые виды хранения, при определенных условиях – займ и т. д. А имущественные правоотношения всегда возникают относительно имущества. Таким образом, безоплатность правоотношений (договоров) вовсе не говорит о том, что их объекты не имеют экономической ценности и неспособны оцениваться в деньгах.

Во-вторых, донорские органы в реальной жизни достаточно часто оцениваются, а это указывает на их потенциальную способность быть имуществом. Так, гемопоэтические стволовые клетки могут извлекаться из тела человека за деньги. И это достаточно распространенная мировая практика. В Иране, хотя и единственной пока стране, введена официально регулируемая внутринациональная система продажи почек [47]. На уровне международного сотрудничества также определенные субъекты могут быть наделены возможностью совершать равноценный обмен или куплю-продажу донорских органов. Например, такой возможностью в свое время было наделено государство Украины. В частности, в ст. 21 Закона Украины «О применении трансплантации анатомических материалов человеку» по состоянию до 31.03.2019 было указано, что Украина, в соответствии с заключенными ею международными договорами, осуществляет сотрудничество в сфере применения трансплантации анатомических материалов человека с соответствующими органами иностранных государств и международными организациями, которые осуществляют деятельность, связанную с трансплантацией анатомических материалов человека, по таким направлениям: обмен анатомическими материалами человека (равноценный обмен или купля-продажа) [48]. Хотя в дальнейшем концепция нормы претерпела значительные изменения. Так, ч. 3 ст. 21 Закона Украины «О применении трансплантации анатомических материалов человека» (по состоянию на 02.01.2020) предусмотрено, что обмен анатомическими материалами человека в виде органов или их частей от имени государства в рамках международного сотрудничества осуществляется учреждением, уполномоченным центральным органом исполнительной власти, который обеспечивает формирование и реализует государственную политику в сфере здравоохранения [49]. Последнее свидетельствует, что анатомические материалы человека, при международном сотрудничестве для определенных субъектов гражданских (частных) правоотношений, выступают вещью, так как предметом договора мены является товар, а товар в договоре мены, как правило, сводится к вещам, а вещь – это имущество, которое имеет способность оцениваться в деньгах, является объектом имущественных правоотношений. Также дополнительным аргументом является и то, что договор мены предопределяет динамику имущественных прав путем перехода собственности от одного лица к другому, а объектом права собственности, как известно, является вещь.

Кроме того, по данным Всемирной организации охраны здоровья, на черном рынке ежегодно проводится более 10 тысяч операций по продаже человеческих органов. Отмечается, что в целом цена человеческого тела составляет около €45 млн., но только в том случае, если бы человек мог продать каждую его часть, то есть пойти на органы целиком [50]. И это, хоть и опосредованно, но также указывает на то, что донорские органы имеют экономическую ценность и могут оцениваться в деньгах.

В-третьих, обращает на себя внимание тот факт, что согласно ст. 21 Конвенции о правах человека и биомедици-

не, тело человека и его части не должны быть источником получения только финансовой выгоды. Но, как известно, согласно методу измерения выгоды (вознаграждения), последняя может быть не только финансовой, но и выраженной в натуральной форме (медицинское обследование, обеспечение жилищем и автотранспортом, бесплатные или датированные товары или услуги и др.). Так, в большинстве стран мира запрещается заключать договоры купли-продажи донорских органов. Например, в Англии существует Human Organ Transplant Act 1989 года, в США – National Organ Transplant Act 1984 года, в Украине – Закон Украины «О применении трансплантации анатомических материалов человеку» 2018 года, в России – Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» 1992 года. И это полностью согласовывается со ст. 21 Конвенции о правах человека и биомедицине, ведь с этим договором продавец извлеченных органов получает финансовую выгоду. Вместе с тем, в договоре мены, пожизненного содержания (ухода), наследственных договорах финансовая выгода не предусматривается, хотя каждая из сторон получает определенное имущественное благо. Поэтому запрет получать из оборота донорских органов финансовую выгоду вовсе не свидетельствует об абсолютной невозможности получать другую имущественную выгоду. Так, по способу получения выгода может быть прямая (оплата, зарплата, гонорар) и непрямая (подарки, кредит с льготным процентом или с другими льготными условиями, налоговые льготы, бесплатный проезд в общественном транспорте, грант на обучение, почетный сертификат, бесплатное лечение). Например, непрямо выгода, которую получают доноры или их близкие, достаточно распространена в Израиле [47,51]. А если донор или другое лицо получает хоть и не прямую, но выгоду за извлечение из тела органов, которые имеют определенную экономическую ценность, то она (выгода), по сути, является определенной платой (вознаграждением), поэтому сами отношения не могут считаться чисто альтруистскими.

Таким образом, орган, изъятый у живого донора, или тело умершего человека могут оцениваться в денежном эквиваленте (или в другой форме), иметь экономическую ценность, способны быть объектом имущественного права, а это служит еще одним подтверждением того, что указанные блага имеют все признаки вещей. Их цена определяется исходя не из стоимости, а из спроса и предложения. Поэтому экономическая ценность представляет собой денежное выражение того, насколько определенное благо имеет полезность для приобретателя и насколько спрос заинтересован в нем, а предложение, при наличии спроса, готово его предоставить. Цена в таком случае базируется на взаимной экономической оценке участниками отношений определенных объектов без учета расходов. При этом отметим, что оценивается не сам человек, как иногда утверждается в юридической литературе [40,50], а донорские органы, изъятые из тела человека или имеющиеся в теле умершего, как и само тело последнего.

Необходимо отметить, что подобная трансформация восприятия данных объектов происходит и в определенных слоях общества. Так, на генеральной ассамблее Церкви Англии было предложено признать донорство крови и органов долгом христианина, подобно материальному и денежному пожертвованию. И свое отношение к донорству органов Церковь Англии сформулировала в обращении в Палату лордов [52]. В свою очередь, Бенедикт XVI, выступая в 2008 году на встрече, организованной Папской академией

жизни, подчеркнул, что пожертвование органов может быть формой благотворительности, щедрости, братской любви [53]. Очевидно, что выражения «материальное и денежное пожертвование», «благотворительность, щедрость» позволяют предположить, что церковь рассматривает объект пожертвования, благотворительности, в том числе, и как определенное экономическое благо.

Следовательно, необходимо согласиться с высказанным в юридической литературе мнением, что органы, отделенные от тела человека, или тело умершего являются вещами. А учитывая специальный субъектный состав правоотношений донорства, условия и порядок заключения сделок по поводу таких благ, последние можно отнести к вещам, ограниченным в обороте [54,55].

Вместе с тем, способность оценивается в деньгах, то есть наличие экономической ценности, хотя и позволяет их отнести к имуществу, но не лишает их способности иметь немущественную ценность [40], которая является автономной от имущественной. Так, например, обязанность уважительно относиться к телу умершего человека указывает на то, что тело является не только предметом материального мира, но и содержит в себе немущественную, духовную ценность. Оно может служить предметом культа, как музейные экспонаты. С середины 60-х годов в США, Великобритании, Франции, а в дальнейшем и в других странах (например, в России компания «Криорус»), возникли криокомпании, в которых по желанию пациента его труп замораживают через несколько минут после наступления клинической смерти, и затем хранят при низкой температуре в герметически закупоренном цилиндре, наполненном жидким азотом. Целью крионики, а следовательно, и сути деятельности криокомпаний, является сохранение тела только что умерших или терминальных (обреченных на смерть) пациентов до того момента в будущем, когда, вероятно, станут доступны технологии репарации («ремонта») клеток и тканей и, соответственно, станет возможным восстановление всех функций организма [56].

Христиане вообще рассматривают тело как храм Божий (1 Кор. 3:16). Соответственно, любой орган является частью храма. А это указывает и на его духовную ценность. Именно поэтому донорство рассматривается в христианстве не только как материальное и денежное пожертвование, но и проявление щедрости и любви [53], сострадания [57,58]. Подобное отношение можно обнаружить и у представителей ислама. Они должны относиться к своему телу как к вещам, предметам, вверенным Аллахом для хранения (Аманат). И хотя в целом исламские богословы и ученые признают необходимость донорства [59], но все же органы живого и умершего человека они считают вещами (предметами) Божьими. Поэтому эти блага содержат в первую очередь немущественную (духовную) ценность для верующего.

Сделанные выше выводы свидетельствует о двойственной (дуалистической) правовой природе органов человека, в том числе и самого тела умершего человека. Особенность таких благ заключается в том, что они хотя и содержат в себе свойства как имущественных, так и немущественных благ, однако что касается самого блага, которое выступает объектом определенных прав (правоотношения), то учитываться могут только те его качества, которые характеризуют его или как имущественное, или как немущественное. Соответственно, там, где правоотношение направлено на обеспечение имущественного интереса, должны учитываться свойства блага, характеризующие его как имущественное.

А там, где правоотношение направлено на обеспечение немущественного интереса, учитываются немущественные свойства такого блага. При этом свойства блага и интерес участников являются критерием определения не только содержания правоотношения, но и его характера [60,61].

Наряду с этим, для обеспечения надлежащей охраны прав и интересов человека, его жизни и здоровья, в правовых системах некоторых государств могут быть заложены разные подходы к определению правового режима анатомических материалов человека, в том числе пределы, ограничения и/или запрет их гражданского оборота. Например, если анатомические материалы человека определить в законе как немущественные блага (особенно в государствах, где трансплантация органов запрещена, а если и разрешена, то допускается сугубо ограниченный оборот определенных органов человека, и то на альтруистических началах), то отнесение их исключительно к немущественным благам решает проблему их коммодификации². То есть, такой правовой прием создает юридические препятствия в рассмотрении органов человека как товара, в том числе и возможность их перехода от одного субъекта к другому. Это, хотя и позволяет органы человека (как и само тело умершего человека) рассматривать их как объекты гражданских (частных) прав, однако такой прием юридической техники может максимально ограничить либо лишить возможность рассматривать их как объекты гражданского оборота.

Все это свидетельствует о том, что наряду с натуральной способностью органов человека быть объектами имущественного оборота (вещами, товаром, имуществом) есть также и гражданская (правовая) способность, которая на уровне закона может заблокировать имущественную ценность таких благ. Как следствие, это приведет к тому, что они не будут рассматриваться как имущество, а следовательно, не смогут участвовать в имущественном обороте. Однако для обеспечения стабильности правового регулирования отношений, объектом которых выступают донорские органы, мы допускаем возможность применения правового режима вещей, если только это не будет противоречить сути отношений и фактических обстоятельств дела.

В рамках этого исследования следует остановиться на еще одном важном аспекте, в частности, на том, что не все, что отделимо от человека, а затем трансплантировано/имплантировано, потенциально может рассматриваться объектом гражданских (частных) прав. В частности, речь идет об эмбрионе человека, а в нашем контексте исследования – о неимплантированных криоконсервированных эмбрионах, полученных методом экстракорпорального оплодотворения (далее – эмбрионы *in vitro*).

В мировой судебной практике такие эмбрионы становятся все чаще предметом спора, и, как правило, в контексте того, что определенные стороны потенциально рассматривают их как вещь, имущество, объект общей совместной собственности.

Так, наиболее известный пример в этом аспекте – дело 1989–1992 года «Davis v. Davis». Спор касался того, что в результате расторжения брака бывшие супруги достигли согласия по всем интересующим их вопросам, за исклю-

²Коммодификация (отангл. *commodity* – товар) – процесс, в ходе которого все большее число различных видов человеческой деятельности обретает денежную стоимость и фактически становится товаром, покупаемым и продаваемым на рынке [62].

чением того, что должно произойти с семью их криоконсервированными эмбрионами. Так, Джуниор Льюис Дэвис хотел иметь право контроля, а именно оставить эмбрионы в их замороженном состоянии до тех пор, пока не решит, хочет ли он стать отцом вне брака. Мэри Сью Дэвис хотела иметь «опеку» над эмбрионами с целью дальнейших попыток забеременеть [63]. Первая инстанция приняла решение в пользу женщины и пришла к выводу, что эмбрионы являются человеческими существами, поскольку жизнь человека начинается с момента зачатия. Такие существа, как почитал суд, не являются эмбрионами, а являются на самом деле детьми *in vitro* [64].

Апелляционный суд, в отличие от первой инстанции, принял другое решение. Так, как Джуниор Льюис имеет гарантированное конституционное право не быть отцом вне своей воли, и, учитывая отсутствие беременности Мэри Сью, апелляционный суд постановил, что стороны спора имеют право совместного контроля по поводу оплодотворенных яйцеклеток с равным правом голоса [63]. При этом одним из аргументов суда было то, что по мере развития эмбрионов они пользуются большим уважением, чем просто человеческие клетки, из-за их возрастающего жизненного потенциала. Тем не менее, их жизнеспособность не может быть основанием иметь юридический статус, равный тому человеку, который уже родился [64]. Из этого следует, что апелляционный суд выбрал иной подход к решению спора, рассматривая эмбрион не через правовой статус субъекта, а через правовой режим собственности. Как отмечает Верховный суд штата Теннесси, анализируя в дальнейшем решение апелляционного суда, хотя промежуточный суд и не указал прямо, что эмбрионы являются «собственностью», но, решая вопрос о «совместном контроле» над ними, опирался все же на дело «York v. Jones»³ [63], в котором эмбрион рассматривался через режим собственности.

По мнению Верховного суда штата Теннесси, эмбрион не является ни «субъектом», ни «собственностью», а занимает промежуточное состояние, которое дает ему особое уважение из-за их потенциала к человеческой жизни. Отсюда следует, что любой интерес, который Мэри Сью Дэвис и Джуниор Дэвис имеют к эмбриону, не является истинным имущественным интересом. Тем не менее, у них есть интерес к характеру владения в той мере, в которой они имеют полномочия принимать решения касательно распоряжения эмбрионом, но в пределах политики, установленной законом [63].

К похожему выводу пришел и Верховный суд Калифорнии по делу «Findley v. Lee». Он указал, что нет необходимости классифицировать эмбрионы как «живые» или «имущество», поскольку родители заслуживают чего-то более тонкого. Соответственно, суд в этом деле приходит к

³В этом деле возник спор между Йорками, супружеской парой, которая прошла процедуру ЭКО, и Институтом репродуктивной медицины им. Джонса в Вирджинии. Пара решила переехать в Калифорнию и попросила Институт перенести замороженные эмбрион, который они произвели, в клинику по лечению бесплодия в Сан-Диего для последующей имплантации. Институт отклонил запрос, и пара обратилась в суд. Федеральный окружной суд предположил, что, поскольку предметом спора является собственность, то «соглашение о криоконсервации» создало залоговые правоотношения, которые обязывают Институт, согласно договору, вернуть предмет залога супругам, как только цель залога будет прервана [64].

выводу, что эмбрионы представляют собой зарождающуюся стадию пяти человеческих жизней. Они не являются ни собственностью, ни полностью сформированным человеческим существом. Они выступают в качестве *sui generis* [65].

Такие выводы приводят к мысли, что эмбрионы *in vitro* в правовом поле Америки, а если быть точнее, то в определенных ее штатах, рассматриваются как нечто среднее между субъектом и объектом, правовым явлением *sui generis*. Это указывает на нестандартный подход к определению места эмбриона *in vitro* в системе права. Так как есть большая разница между тем, кто является субъектом, и между тем, что является объектом, а соединение двух диаметрально противоположных правовых явлений рушит саму конструкцию правоотношения. При этом, если закон не определяет четко место эмбриона *in vitro* в системе права, то применение к нему правового режима объекта одновременно с правовым статусом субъекта приведет лишь к правовой неопределенности.

Приведенные примеры в мировой практике не единичны. Например, ЕСПЧ, рассматривая подобный казус в деле «Parrillo v. Italy», пришел к выводу, что человеческие эмбрионы нельзя считать «имуществом» в контексте ст. 1 Протокола № 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), и поэтому суд считает, что нет необходимости в этом деле изучать сложный и противоречивый вопрос о том, когда начинается человеческая жизнь [66]. Хотя ответ на этот вопрос содержится в деле «Evans v. the United Kingdom», в котором суд, ссылаясь на дело «Vo v. France» [67] указал, что при отсутствии в странах Европы какого-либо консенсуса относительно научного и юридического определения начала человеческой жизни, это находится в рамках свободы усмотрения государства [68]. Например, в соответствии с английским правом, эмбрион не имеет независимых прав или интересов, и не может претендовать на право на жизнь [68]. А согласно праву Италии, эмбрионы являются «другими лицами» (в контексте охраны нравственности и защиты прав и свобод других лиц, что отражено в Конвенции), субъектами, наделенными правовым статусом, который можно и нужно соизмерять с правовым статусом их прародителей. Это полностью соответствует позиции Конституционного суда Италии по поводу наличия у эмбриона права на жизнь, охраняемого ст. 2 Конституции Италии [69].

Можно приводить и другие правовые подходы и принципы, отраженные судебными инстанциями тех или иных стран, но, как видится нам, этого достаточно, чтобы прийти к определенному выводу. В частности, такие примеры демонстрируют абсолютно разные подходы к определению правового режима/статуса эмбриона *in vitro*. В связи с этим можно выделить три основных подхода: 1) эмбрион *in vitro* – субъект права; 2) эмбрион *in vitro* – объект права; 3) эмбрион *in vitro* – промежуточное субъектно-объектное состояние, правовое явление *sui generis*.

Указанный вывод наталкивает на мысль, что эмбрион *in vitro* в силу своих уникальных природных качеств способен в правовом поле рассматриваться не только как объект, но и как субъект. Учитывая сделанный нами до этого вывод, что органы человека, как и само тело человека, имеют двойственную природу, а эмбрион *in vitro* в силу своей природы есть предмет материального мира, то приведенные утверждения приводят к гипотезе о тройственной природе эмбриона *in vitro*. Суть этого предположения, которое необходимо в дальнейшем еще дополнительно исследовать, заключается в том, что помимо натуральной способности иметь имущественную и неимущественную ценность, свойственную

определенным объектам гражданских прав, эмбрион *in vitro* может также рассматриваться и как субъект права. Поэтому сущность такого блага позволяет реализовать разные подходы к определению места эмбриона *in vitro* в системе права: или как субъект права; или как объект права; или применить принципы и подходы, которые характерны как для субъекта, так и для объекта права, – смешанную модель.

Вывод. Орган, изъятый у живого донора, как и тело умершего человека, имеют двойственную природу. Они принадлежат к материальным объектам, которые способны нести в себе как имущественную [70,71], так и неимущественную ценность [72]. Если орган, изъятый у живого донора, или тело умершего человека рассматриваются как имущество, то они приобретают режим вещей, ограниченных в гражданском обороте, но это, в то же время, не мешает таким благам выступать и объектами неимущественных правоотношений. Что касается эмбриона *in vitro*, то при рассмотрении его среди потенциально подходящих к трансплантации в тело живого человека предметов материального мира, нами сделано предположение, что он, в силу своей природы, имеет натуральную способность и рассматривается в праве не только как объект имущественных и неимущественных правоотношений, но и как субъект права (квазисубъект права). Но, помимо натуральной способности, есть также и правовая. Именно последняя определяет место тех или иных предметов материального и нематериального мира в праве. На основании проведенного нами анализа решений судебных инстанций был сделан вывод, что в правовых системах тех или иных стран правовая модель эмбриона *in vitro* определяется неодинаково. В связи с этим можно выделить три основных подхода: 1) эмбрион *in vitro* – субъект права; 2) эмбрион *in vitro* – объект права; 3) эмбрион *in vitro* – промежуточное субъектно-объектное состояние, правовое явление *sui generis*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алсынбаева Э. М. Гражданско-правовое регулирование оказания медицинских услуг по трансплантации органов и тканей человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Уфа, 2013. 164 с.
2. Анікіна Г. В. Цивільноправове регулювання відносин, пов'язаних зі смертю фізичної особи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ген. прокуратура України ; Нац. акад. прокуратури України. Київ, 2014. 16 с.
3. Brown J. Theft, property rights and the human body: a Scottish perspective. *Journal of medical law and ethics*, 1(1), 2013. pages 43-59. URL: http://www.uitgeverijparis.nl/documenten/jmle_2013_1/s4_jmle_2013_01_047.pdf
4. Брюховецька М. С. Цивільно-правове регулювання помертвого донорства в Україні : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Київ, 2017. 230 с.
5. Булеца С. Б. Цивільні правовідносини, що виникають у сфері здійснення медичної діяльності: теоретичні та практичні проблеми: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. Одеса, 2016. 437 с.
6. Булеца С. Б. До питання про об'єкт при здійсненні медичної діяльності. *Наук. вісник Ужгор. націон. ун-ту* : Серія: ПРАВО. Випуск 19. Херсон : Гельветика, 2012. С. 20–23.
7. Voo Teck Chuan. Altruism and ownership : justifying payment for organ donation (2014). URL: https://www.research.manchester.ac.uk/portal/files/54556226/FULL_TEXT.PDF.
8. Герц А. А. Договірні зобов'язання у сфері надання медичних послуг : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. Київ, 2016. 421 с.
9. Горелик И. И. Правовые аспекты пересадки органов и тканей. Минск : Высш. школа, 1971. 90 с.
10. George A. 'Property in the Human Body & Its Parts, Reflections on Self-Determination in Liberal Society', Florence EU Working Paper LAW 2001/8 (European University Institute, Florence, 2001). URL: <http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/172/law01-08.pdf>
11. Донцов Д. С. Роль гражданско-правовых норм в регулировании общественных отношений по клинической трансплантации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Краснодар, 2011. 237 с.
12. Донцов Д. С. Органы и ткани человека как объекты вещного права в Российской Федерации // *Медицинское право*. М. : Юрист, 2009, № 2 (26). С. 43-46
13. Евсеев Е. Ф. Правовой статус человеческого организма и его частей. Адвокат. 2010. № 6. С. 34–40.
14. Кобяков Д. П. Правовые проблемы трансплантологии : дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук : 12.00.06; 12.00.02. М., 2000. 161 с.
15. Кудашова Т. Г. Признание органов и тканей человека объектами гражданского права: за и против // *Известия ОГАУ*. 2012. № 35-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznanie-organov-i-tkaney-cheloveka-obektami-grazhdanskogo-prava-za-i-protiv> (дата обращения: 07.05.2020).
16. Кулицкая Л. И. Правовой режим органов, тканей, клеток и тела человека после смерти лица, не оставившего завещания // *Власть закона*. 2016. № 2. С.96-106.
17. Łuków P. Leaving gift-giving behind: the ethical status of the human body and transplant medicine. *Medicine, Health Care and Philosophy*, 22(2), 221–230. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6499738/>
18. Майданік Р. А. Право фізичної особи на життя: поняття, елементи, виникнення і припинення. *Публічне право*. 2016. № 3. С. 9–20.
19. Малейна М. Н. Личные неимущественные права граждан. (Понятие, осуществление и защита) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 1997. 431 с.
20. Малейна М. Н. Человек и медицина в современном праве. Учебное и практическое пособие. М. : БЕК, 1995. 260 с.
21. Малейна М. Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность. *Законодательство*. 2003. № 11. С. 13–20.
22. Маргацкая Н. А. Гражданско-правовые проблемы донорства и трансплантации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 1984. 180 с.
23. Mintálová A. Soukromoprávní dispozice s lidskými orgány (2010). URL: https://dspace.cuni.cz/bitstream/handle/20.500.11956/26266/DPTX_2009_2_11220_0_36780_0_87239.pdf.
24. Nwabueze R. (2015). Orphaned transplantable organs: law, ethics and ownership. *Canadian Journal of Comparative and Contemporary Law*, 1 (1), 241–273. URL: <http://www.cjcl.ca/wp-content/uploads/2015/01/13.-Nwabueze-Orphaned-Transplantable-Organs.pdf>.
25. Пеллагеша О. Г. Адміністративно-правове забезпечення трансплантації органів та інших анатомічних матеріалів людині в Україні : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07. Київ, 2011. 199 с.
26. Прилуков М. Д. Административно-правовое регулирование трансплантации органов и (или) тканей человека в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14.

- Челябинск, 2013. 200 с.
27. Пташник І.Р. Цивільно-правове регулювання трансплантації в Україні : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Київ, 2016. 211 с.
28. Rao R. (2000). Property, Privacy, and the Human Body, 80 B.U. L. Rev. 359. URL: https://repository.uchastings.edu/faculty_scholarship/660.
29. Сенюта І. Я. Цивільні правовідносини у сфері надання медичної допомоги в Україні: питання теорії і практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. Київ, 2018. 500 с.
30. Скрипник В. Донорські органи як об'єкти цивільних правовідносин / Підприємництво, господарство і право. 2018. № 5. С. 62–67.
31. Сліпченко С. О. Особисті немайнові правовідносини щодо оборотоздатних об'єктів : монографія. Харків : Діса плюс, 2013. 552 с.
32. Сліпченко С. О. Тіло людини, яка померла, як об'єкт цивільного права // Проблеми цивільного права та процесу : матеріали наук.-практ. конф., присвяч. світлій пам'яті О. А. Пушкіна, 27 трав. 2016 р. Харків : ХНУВС, 2016. 400 с.
33. Slipchenko S. A., Shishka A. R. Posthumous organ donation: at the way of creation of a national legal approach. Journal of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine / editorial board: O. Petryshyn et al. Kharkiv : Pravo, 2018. Vol. 25, № 4. С. 119–133.
34. Степанова Е. Н. Трансплантация органов человека. Мировой опыт и Россия (гражданско-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2004. 228 с.
35. Стефанчук Р. О. Особисті немайнові права фізичних осіб (поняття, зміст, система, особливості здійснення та захисту) : монографія / відп. ред. Я. М. Шевченко. Київ : КНТ, 2007. 626 с.
36. Hardcastle R. Law and the Human Body: Property Rights, Ownership, and Control. Oxford: Hart Publishing, 2007. 242 p.
37. Шишка О. Р. Правовий режим анатомічних матеріалів людини: деякі напрями рекодифікації цивільного законодавства України // Теоретичні питання юриспруденції і проблеми правозастосування: виклики XXI століття : тези доп. учасників II Всеукр. наук.-практ. конф. (Харків, 10 груд. 2019 р.) ; Наук.-дослід. ін-т публ. політики і соц. наук. Харків : НДІ ІПЧН, 2019. С. 66–73
38. Майфат А. В., Лисаченко А. В. Собственность на тело человека. Коллегия адвокатов «Частное право». URL: http://www.urallaw.ru/articles/person_2/id_35.htm.
39. Hawes C. Property Interests in Body Parts: Yearworth V North Bristol NHS Trust. The Modern Law Review 2010. Volume 73. p. 119–140
40. Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург : Уральские военные вести, 1994. 199 с.
41. Серебрякова А. А., Арзамаскин М. М., Варюшин М. С. Государственно-правовое регулирование использования органов и тканей человека в целях трансплантации как особых объектов гражданского права (компаративистское исследование). Власть. 2011. № 8. С. 155–157.
42. Ходико Ю. Є. Спiрні об'єкти речового правовідношення та їх правовий режим. Право і суспільство. 2017. № 6. С. 85–90
43. Charter of Fundamental Rights of the European Union (2000/C 364/01). Official Journal of the European Communities. URL: http://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf
44. Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine, Oviedo, 4 April 1997, CETS No. 164. URL: <https://rm.coe.int/168007cf98>.
45. Сліпченко С. А., Шишка А. Р., Булеца С. Б., Синегубов О. В., Грынко Р. В. Состояние международного правового регулирования посмертного донорства: на пути к унификации (обзор) / Медицинские новости Грузии. № 10 (283). 2018. С. 175–179.
46. Directive 98/44/EC of the European Parliament and of the council on the legal protection of biotechnological inventions / Document № 31998L0044, 06.07.1998. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A31998L0044>.
47. Hentrich M. (2012). Health matters: Human organ donations, sales, and the black market. Cornell University. URL: <https://arxiv.org/vc/arxiv/papers/1203/1203.4289v1.pdf>.
48. Про застосування трансплантації анатомічних матеріалів людині : Закон України від 17.05.2018 № 2427-VIII (в редакції Закону від 31.03.2019 № 2694-VIII). URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2427-19/ed20190331>.
49. Про застосування трансплантації анатомічних матеріалів людині : Закон України від 17.05.2018 № 2427-VIII (в редакції Закону від 02.01.2020 № 113-IX). URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2427-19/ed20200102>.
50. Марченко Е. Разобрать по косточкам. Вести. 2018. № 123 (1226). С. 7.
51. Дорфман М. Трансплантация органов и тканей человека с точки зрения израильского права. «Израильское право» на сайті ISRAELINFO. URL: <https://pravo.israelinfo.co.il/articles/analitik/389?print> (дата обращения: 07.05.2020).
52. Sherwood P. (2016). Donating organs and blood is Christian duty, C of E synod to be told. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/feb/15/donating-blood-organs-christian-duty-synod-church-of-england>.
53. Ask A Priest – Is Organ Donation Allowed In The Catholic Church? What About Donating Sperm/Eggs? Australian Catholic Youth Festival. Википедія. URL: <http://www.xt3.com/library/view.php?id=13901>. (Last edited 5th July 2013).
54. Суховерхий В. Л. Гражданско-правовое регулирование отношений по здравоохранению. Советское государство и право. 1975. № 6. С. 105–109.
55. Маргацкая Н. Гражданско-правовые вопросы трансплантации и донорства. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1980. № 2. С. 83–89.
56. Шишка О. Р. Право неіснуючого учасника цивільних правовідносин як правова фікція // Право та управління: електронне наукове видання. 2011. № 1. С. 489–511.
57. Руссо М. (2016). Донорство и религии мира. PRO SCIENCE. URL: http://polit.ru/article/2016/02/22/ps_organ_donation/. (дата обращения: 07.05.2020).
58. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, приняты Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви. Русская Православная. Официальный сайт Московского Патриархата. 2000. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>. (дата обращения: 07.05.2020).
59. О трансплантации органов живого или умершего человека: Постановление № 26 (1/4) Совета Исламской академии праведения (фикха) при Организации Исламская Конференция // Академия фикха. Четвертая сессия. Джидда, Королевство Саудовская Аравия. 1988. URL: <http://www.islam.uz/fikh/akademiya-fikha/2285-o-transplatasi.html>. (дата обращения: 07.05.2020).

60. Шишка О. Р. Застосування методу альтернативи при визначенні правової моделі цивільних правовідносин, об'єктом яких є блага, що мають подвійну правову природу // Eurasian Academic Research Journal. 2016. №1 (01). С. 93–113.
61. Шишка О. Р. Немайнові відносини з матеріальними благами в предметі цивільного права // Актуальні проблеми приватного права : матеріали XVII наук.-практ. конф., присвяч. 97-й річниці з дня народж. д-ра юрид. наук, проф., чл.-кор. АН УРСР В. П. Маслова (Харків, 22 лют. 2019 р.). Харків : Право, 2019. С. 255–259.
62. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь : пер. с англ. / под ред. С. А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Экономика, 2004. 620 с.
63. Davis V. Davis, 842 S.W.2d 588 (Tenn. 1992). URL: http://scholar.google.com/scholar_case?q=Davis+v.+Davis&hl=en&as_sdt=806&case=17302847389043812781&scilh=0.
64. Robinson, R. The legal nature of the embryo: Legal subject or legal object? / R. Robinson // Potchefstroom Electronic Law Journal. 2018. Vol. 21, No 1. URL: <https://doi.org/10.17159/1727-3781/2018/v21i0a2914>.
65. Findley v. Lee, Case No FDI-13-780539 (Cal. Tentative Ruling Filed Nov. 18, 2015). URL: https://www.sfsuperiorcourt.org/sites/default/files/pdfs/FINDLEY_Statement_Of_Decision%20Rev_1.pdf (дата обращения: 12.05.2020).
66. Parrillo v. Italy, no. 46470/11, ECHR, 27 August 2015. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-157263>.
67. Vo v. France, no. 53924/00, ECHR, 8 July 2004. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61887>.
68. Evans v. the United Kingdom, no. 6339/05, ECHR, 10 April 2007. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-80046>.
69. Opinion of Judge Pinto de Albuquerque // Parrillo v. Italy, no. 46470/11, ECHR, 27 August 2015. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-157263>.
70. Слипченко С. А. К вопросу о невозможности денежной оценки нематериальных благ и приобретения ими экономической формы товара. Гражданское законодательство Российской Федерации как правовая среда гражданского общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Краснодар : Просвещение-Юг. 2005. С. 180–184;
71. Слипченко С. О. Економічний зміст особистих немайнових прав, що забезпечують соціальне буття фізичної особи. Підприємництво, господарство і право. № 7. 2005. С. 14–17.
72. Стефанчук Р. О. Особисті немайнові права фізичних осіб у цивільному праві (поняття, зміст, система, особливості здійснення та захисту) : монографія / відп. ред. Я. М. Шевченко. Київ : КНТ, 2008. 626 с.

SUMMARY

LEGAL REGIME OF DONOR ORGANS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

¹Slipchenko S., ¹Shyshka O., ²Buletsa S., ¹Slipchenko A., ¹Shyshka N.

¹Kharkiv National University of Internal Affairs; ²State Higher Education Institution «Uzhhorod National University», Ukraine

The purpose of this study is to determine the legal regime of donor organs in private International law. Research material – legal regulation of donor organs in private international law, as well as international judicial practice, scientific views and ideas about the subject of research.

Based on the scientific analysis, the authors draw the following conclusions. In particular, the conclusion that the organ removed from a living donor, as well as the body of a deceased person, have a dual nature. They belong to material objects that are capable of carrying both property and non-property worth. If an organ taken from a living donor or the body of a deceased person is considered property, then they acquire the regime of things restricted in civil circulation. At the same time, it is concluded that the property component of such boons does not prevent them from simultaneously acting as and objects of non-property legal relations. In addition, the paper separately pays attention to the in vitro embryo, which has the potential ability to be transplanted into the human body. Based on the analysis of judicial practice of various international instances an assumption is made that, by its nature, has a natural ability to be considered in law not only as an object of property and non-property legal relations, but also as a subject of law (quasi-subject of law). In this regard allocated three basic legal approaches applied in private international law to an in vitro embryo, namely: 1) an embryo in vitro – a subject of law; 2) an embryo in vitro – an object of law; 3) an embryo in vitro – an intermediate subject-object state, a legal phenomenon sui generis.

Keywords: transplantation, donor organs, objects of non-property legal relations, embryo in vitro, subjects of civil law.

РЕЗЮМЕ

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДОНОРСКИХ ОРГАНОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

¹Слипченко С.А., ¹Шишка А.Р., ²Булеца С.Б., ¹Шишка Н.В., ¹Слипченко А.С.

¹Харьковский национальный университет внутренних дел; ²Государственное высшее учебное заведение «Ужгородский национальный университет», Украина

Целью исследования является определение правового режима донорских органов в Международном частном праве.

Материал исследования – правовая регламентация донорских органов в международном частном праве, а также международная судебная практика, научные взгляды и идеи касательно предмета исследования.

На основании проведенного научного анализа авторами сделаны следующие выводы: орган, изъятый у живого донора, как и тело умершего человека, имеют двойственную природу. Они принадлежат к материальным объектам, которые способны нести в себе как имущественную, так и неимущественную ценность. Если орган, изъятый у живого донора, или тело умершего человека рассматриваются как имущество, то они приобретают режим вещей, ограниченных в гражданском обороте. При этом сделан вывод, что имущественная составляющая таких благ не мешает им одновременно выступать и объектами неимущественных правоотношений. Помимо этого, в обзоре отдельно обращено внимание на эмбрион in vitro, который имеет потенциальную способность к трансплантации в тело человека. На основании анализа судебной практики различных международных инстанций сделано предположение, что эмбрион in vitro, в силу своей природы, имеет натуральную способность рассматриваться в праве не только как объект имущественных и неимущественных правоотношений, но и как субъект права (квазисубъект права). В этой связи выделено

три основных правовых подхода, применяемых в международном частном праве к эмбриону in vitro, а именно: 1) эмбрион in vitro – субъект права; 2) эмбрион in vitro – объект права; 3) эмбрион in vitro – промежуточное субъектно-объектное состояние, правовое явление sui generis.

რეზიუმე

დონორული უფლებამოსილების სამართლებრივი რეჟიმი საერთაშორისო საპროცესო სამართალში

¹ს.სლიპჩენკო, ¹ა.შიშკა, ²ს.ბუღეცა, ¹ნ.შიშკა,
¹ა.სლიპჩენკო

¹ხარკივის შინაგან საქმეთა ეროვნული უნივერსიტეტი;
²სახელმწიფო უმაღლესი საგანმანათლებლო დაწესებულება “უკროდის ეროვნული უნივერსიტეტი”, უკრაინა

კვლევის მიზანია დონორი ორგანოების სამართლებრივი რეჟიმის დადგენა კერძო საერთაშორისო სამართალში.

კვლევის მასალას წარმოადგენს დონორის ორგანოების სამართლებრივი რეგულირება საერთაშორისო კერძო სამართალში, აგრეთვე საერთაშორისო სამართლო პრაქტიკა, სამეცნიერო შეხედულებები და იდეები სასწავლო საგანთან დაკავშირებით.

სამეცნიერო ანალიზზე დაყრდნობით, ავტორების მიერ გამოტანილია შემდეგი დასკვნები: ცოცხალი

დონორისგან ამოღებულ ორგანოს, ისევე როგორც გარდაცვლილი ადამიანის სხეულს, აქვს ორმაგი ხასიათი. ისინი მიეკუთვნებიან მატერიალურ საგნებს, რომლებსაც აქვთ როგორც ქონებრივი, ასევე არაქონებრივი ღირებულება. თუ ცოცხალი დონორისგან ან გარდაცვლილი პირის სხეულიდან ამოღებული ორგანო განიხილება, როგორც საკუთრება, მაშინ ისინი შეიძენენ სამოქალაქო მიმოქცევაში შეზღუდული ნივთების რეჟიმს. ამავე დროს, ასეთი საქონლის ქონებრივი კომპონენტი ხელს არ შეუშლის მათ ერთდროულად იმოქმედონ, როგორც არაქონებრივი იურიდიული ურთიერთობის ობიექტებმა. ამის გარდა, ავტორების მიერ გამახვილებულია ყურადღება in vitro ემბრიონზე, რომელსაც აქვს ადამიანის სხეულში ტრანსპლანტაციის პოტენციალი. სხვადასხვა საერთაშორისო ინსტანციის იურისპრუდენციის ანალიზზე დაყრდნობით, გამოითქვა მოსაზრება, რომ მას თავისი ბუნებით გააჩნია ბუნებრივი უნარი კანონით განხილული იყოს არა მხოლოდ როგორც საკუთრების და არაქონებრივი იურიდიული ურთიერთობების ობიექტი, არამედ, როგორც სამართლის სუბიექტი (კანონის კვაზი-სუბიექტი). ამ თვალსაზრისით, არსებობს სამი ძირითადი სამართლებრივი მიდგომა, რომელიც კერძო საერთაშორისო სამართალში გამოიყენება ინ ვიტრო ემბრიონის მიმართ, კერძოდ: 1) in vitro ემბრიონი არის კანონის სუბიექტი; 2) in vitro ემბრიონი - კანონის ობიექტი; 3) in vitro ემბრიონი - შეუღლებული საგნობრივი ობიექტის სახელმწიფო, იურიდიული ფენომენი sui generis.

THE RIGHT TO HEALTH: UKRAINE'S INTERNATIONAL OBLIGATIONS AND FINANCIAL ACTIVITY OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE CONTEXT OF REFORMING THE NATIONAL HEALTHCARE SYSTEM

¹Deshko L., ²Kostenko Y., ²Koval I., ²Mikhailina T., ³Oliinyk O.

¹Taras Shevchenko National University of Kyiv; ²Vasyl' Stus Donetsk National University;

³Kyiv National University of Trade and Economics, Ukraine

The right to health is one of the fundamental human rights in any democratic society. It is reflected in international documents of universal and regional status. These lawfully normative acts impose legal obligations onto the member-states: they are to take all necessary steps, including ones of legislative and administrative nature, regardless of the level of economic development” [3,6]. Guarantee on human right to health by the state, which includes implementation, safety and protection, is the key-point to progressive development in various spheres of life and strengthening of national security.

For over two decades the policy of World Healthcare Organization (hereinafter – the WHO) entitled “Health for All” has been widely used by all the WHO member-states of European Region as the fundamental model for national health policy, as well as a tool for policy development, and as a starting point for defining national health goals. “Health – 2020” became the foundation for a new European healthcare strategy [7]. Its goal was to improve health significantly and raising of the well-being of the population, reduce health inequalities, strengthen public health and ensure that health systems are targeted at people's

needs being characterized by high quality of care and adherence to the principles of general public outreach, social justice and sustainability” [7]. S. Linnik rightly emphasizes that “the fundamentals of the strategy are addressed to different audiences, both within and outside government agencies, inspiring them and offering optimal ways to address the complex health challenges of the 21st century. They find their endorsement in the value of the “Health for All-21” strategy [7].

In Ukraine, the Cabinet of Ministers of Ukraine approved the National “Health – 2020: Ukrainian Dimension” program being in accordance with the priorities of the new European strategy and the main directions of public healthcare policy [14]. This Concept states the well-known facts: “... in Ukraine the healthcare system requires objective assessment and development of long-term measures aimed at improving the effectiveness of reform, as it is not able to ensure the implementation of the constitutional rights of Ukrainian citizens fully in the area of healthcare caused by the deficit of financial resources, decreased quality of care, poor logistics. The main challenges to the proper functioning of the national healthcare system can be attained

Содержание:

Kosenkov A., Stoliarchuk E., Belykh E., Sokolov R., Mayorova E., Vinokurov I. RESULTS OF RESECTION METHODS OF TREATMENT IN PATIENTS WITH GIANT PYLORODUODENAL ULCERS COMPLICATED BY PERFORATION AND BLEEDING	7
Клименко М.В. ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ И ПРОГНОСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОГО ЦИТОКИНА TGF- β 1 В ВЫБОРЕ ХИРУРГИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ ПРИ ОСТРОМ ПАНКРЕАТИТЕ	13
Грабский А.М. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ КЛИНИКО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ МОЧЕКАМЕННОЙ БОЛЕЗНИ В РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНАХ АРМЕНИИ	19
Sklyarova V., Kyshakevych I., Volosovsky P., Sklyarov P., Kupchak I.M. EPIDEMIOLOGICAL FEATURES OF CHRONIC ENDOMETRITIS IN REPRODUCTIVE AGE WOMEN WITH DISORDERS OF REPRODUCTIVE HEALTH.....	27
Центило В.Г., Удод А.А. ЭФФЕКТИВНОСТЬ УСОВЕРШЕНСТВОВАННОЙ СУПРАГИОИДНОЙ И СУПРАОМОГИОИДНОЙ ШЕЙНОЙ ДИССЕКЦИИ В ЛЕЧЕНИИ РЕГИОНАРНЫХ МЕТАСТАЗОВ РАКА ЧЕЛЮСТНО-ЛИЦЕВОЙ ОБЛАСТИ.....	32
Virstiuk N., Matkovska N. PARAMETERS OF FIBRINOLYTIC AND ANTIFIBRINOLYTIC ACTIVITY IN PATIENTS WITH ALCOHOLIC LIVER CIRRHOSIS ASSOCIATED WITH ADIPOSITY	37
Kravchun P., Kadykova O., Narizhnaya A., Tabachenko O., Shaparenko O. ASSOCIATION OF CIRCULATING ADIPONECTIN, RESISTIN, IRISIN, NESFATIN-1, APELIN-12 AND OBESTATIN LEVELS WITH HYPERTENSION AND OBESITY	43
Тарасенко О.М., Кондратюк В.Е., Таранчук В.В., Кармазина Е.М., Кармазин Я.М. ВЛИЯНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ УРАТСНИЖАЮЩЕЙ ТЕРАПИИ С ДОБАВЛЕНИЕМ СИНБИОТИКА НА ДИНАМИКУ КЛИНИКО-ЛАБОРАТОРНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ У БОЛЬНЫХ ХРОНИЧЕСКИМ ПОДАГРИЧЕСКИМ ПОЛИАРТРИТОМ.....	48
Sokolenko M., Sokolenko L., Honchar H., Sokolenko A., Andrushchak M. THE ADVANCEMENTS IN TREATMENT OF HIV-INFECTED PATIENTS WITH HERPETIC INFECTION	56
Gulatava N., Tabagari S., Tabagari N. ASPECTS OF NUTRITION IN PATIENTS WITH CONGESTIVE HEART FAILURE	62
Авагимян А.А., Манукян И.А., Навасардян Г.А., Челидзе К.Л., Рисованный С.И. АТЕРОГЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ДИСБИОЗА РОТОВОЙ ПОЛОСТИ (ОБЗОР)	69
Абрамов С.В., Кириченко А.Г., Корнацкий В.М., Огоренко В.В., Томах Н.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ УЧАСТНИКА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ И СТРЕСС-АССОЦИИРОВАННЫЕ НАРУШЕНИЯ.....	74
Курмышев М.В., Стасевич Н.Ю., Златкина Н.Е., Романов А.С., Каргон Е.А., Зарецкая Э.Г. ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР СОЗДАНИЯ «КЛИНИК ПАМЯТИ» В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ.....	80
Труба Я.П., Радченко М.П., Головенко А.С., Беридзе М.М., Лазоришинец В.В. РЕЗУЛЬТАТЫ ХИРУРГИЧЕСКОГО ЛЕЧЕНИЯ ТРАНСПОЗИЦИИ МАГИСТРАЛЬНЫХ АРТЕРИЙ С ГИПОПЛАЗИЕЙ ДУГИ АОРТЫ.....	85
Herasymenko O., Klimanskyi R., Zharikov S., Herasymenko V. CLINICAL AND LABORATORY CHARACTERISTICS OF ACUTE LYMPHADENITIS IN CHILDREN	91
Panko N., Tsiura O., Shevchenko N., Zimnytska T. LIVER LESION IN CHILDREN WITH JUVENILE IDIOPATHIC ARTHRITIS WITH DIFFERENT DURATION OF METHOTREXATE TREATMENT	95

Усенова О.П., Моренко М.А., Ковзель Е.Ф., Шнайдер К.В., Влащенко К.Г. КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ БОЛЕЗНИ ИММУННОЙ ДИСРЕГУЛЯЦИИ STAT3 GOF, АУТОИММУННОГО ЛИМФОПРОЛИФЕРАТИВНОГО СИНДРОМА	100
Khoroshukha M., Ivashchenko S., Bosenko A., Biletska V., Kovalenchenko V. GENDER-ASSOCIATED EFFECTS OF SEROLOGICAL MARKERS OF BLOOD GROUPS ON THE DEVELOPMENT OF ATTENTION FUNCTION OF YOUNG ADOLESCENT ATHLETES	103
Макалкина Л.Г., Ихамбаева А.Н., Ахмадьяр Н.С., Калиева Ш.С., Кузиков А.М. АНАЛИЗ ПОТРЕБЛЕНИЯ СИСТЕМНЫХ АНТИМИКРОБНЫХ ПРЕПАРАТОВ В ДЕТСКИХ СТАЦИОНАРАХ ЗА 2015-2017 ГГ. В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН.....	111
Безарашвили С.И. ИЗУЧЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ СВИНЦА В ОРГАНИЗМЕ ДЕТЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В Г. ТБИЛИСИ.....	117
Yaremenko L., Grabovoi A., Cherkasov V., Lakhtadyr T., Shepelev E. REACTIONS OF ASTROCYTES AND MICROGLIA OF THE SENSORIMOTOR CORTEX AT LIGATION OF THE CAROTID ARTERY, SENSITIZATION OF THE BRAIN ANTIGEN AND THEIR COMBINATION.....	122
Pugovkin A., Erkudov V., Sergeev I., Khananashvili Y. THE PHYSIOLOGICAL BASIS FOR ASSESSMENT OF HAEMODYNAMIC PARAMETERS BY MEANS OF ARTERIAL PRESSURE PULSE WAVEFORM ANALYSIS IN PERIPHERAL ARTERIES	127
Seliukova N., Boyko M., Kustova S., Misiura K., Kamyshan A. PUBERTY GENESIS OF FEMALES-OFFSPRING RATS BORN TO MOTHERS WITH FETOPLENTAL INSUFFICIENCY	135
Васецкая О.П., Зубко Е.С., Проданчук Н.Г., Кравчук А.П., Жминько П.Г. ВЛИЯНИЕ N-ОКСИД-2,6-ДИМЕТИЛПИРИДИНА НА ВЫРАЖЕННОСТЬ ЦИТОГЕНЕТИЧЕСКИХ ЭФФЕКТОВ, ИНДУЦИРОВАННЫХ ЦИКЛОФОСФАМИДОМ В КЛЕТКАХ КОСТНОГО МОЗГА МЫШЕЙ.....	141
Чануквадзе И.М., Кикалишвили Л.А., Джандиери К.Д., Отарашвили Р.Т., Джандиери Л.А. АДАПТАЦИЯ ЖЕЛЧНЫХ ПРОТОКОВ ПОРТАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ПРИ МЕХАНИЧЕСКОМ ХОЛЕСТАЗЕ (ОБЗОР).....	148
Kodanovi L., Jokhadze M., Metreveli M., Berashvili D., Bakuridze A. INTRODUCTION OF AROMATIC PLANTS IN THE BATUMI BOTANICAL GARDEN AND THEIR RESEARCH FOR THE CONTENT OF BIOLOGICALLY ACTIVE COMPOUNDS	153
Chomakhashvili N., Chomakhashvili Z., Zosidze N., Franchuki K. ERGONOMIC PRINCIPLES IN MEDICINE AND DENTISTRY (REVIEW).....	158
Бараташвили З.З., Казахашвили Н.А., Герзмава О.Х. ПРОБЛЕМЫ МОНИТОРИНГА КАЧЕСТВА РАБОТЫ СТАЦИОНАРОВ ГРУЗИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID 19 (ОБЗОР).....	163
Слипченко С.А., Шишка А.Р., Булеца С.Б., Шишка Н.В., Слипченко А. С. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДОНОРСКИХ ОРГАНОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ	169
Deshko L., Kostenko Y., Koval I., Mikhailina T., Oliinyk O. THE RIGHT TO HEALTH: UKRAINE'S INTERNATIONAL OBLIGATIONS AND FINANCIAL ACTIVITY OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE CONTEXT OF REFORMING THE NATIONAL HEALTHCARE SYSTEM.....	177
Kuntii A., Blahuta R., Stetsyk B., Sichkovska I., Harasym P. USE OF SPECIAL MEDICAL KNOWLEDGE BY A PRACTITIONER DURING INTERACTION WITH INVESTIGATOR IN THE INVESTIGATION OF ILLEGAL MEDICAL ACTIVITY	182
Южно А.А., Емельянов В.П., Павликовский В.И., Калашник Е.Н., Сиваш Е.М. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА.....	189
Муляр Г.В., Солоненко О.Н., Покальчук М.Ю., Плетнёва А.Е., Домброван Н.В. ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГАРАНТИЙ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В УКРАИНЕ	195